К ВОПРОСУ О ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АРМЯНСКИХ ГЛАСНЫХ

Б. С. ГУЛАКЯН

Гласные армянского языка исследуются во многих работах общелингвистического характера. В настоящее время вокалическая система армянского языка имеет и свою экспериментальную литературу[1].

Наша работа продиктована желанием подойти к этой системе с иных позиций, в частности, по-новому оценить положение гласного ə в системе вокализма современного литературного армянского языка.

Понятие фонемы используется в армянской лингвистической литературе давно. Более тщательное применение положений фонологической теории, в частности новых ее данных (мы имеем в виду двухступенчатую теорию фонологии С. К. Шаумяна), поможет внести некоторые необходимые коррективы в существующие фонологические описания армянского вокализма.

Итак, наш подход отличается от известных нам исследований в первую очередь по своей методологии.

В чем это заключается?

Некоторые известные нам классификации характеризуются смешением понятий «фонема» и «звук». «Фонема — общее, звук—реальное проявление этого общего» — вот высказываемые или подразумеваемые характеристики этих двух понятий. В основу классификации берутся фонемы — представители класса звуков.

В своей книге «Проблемы теоретической фонологии» С. К. Шаумян провел четкое разграничение этих двух понятий, показав, что на ступени наблюдения мы имеем дело с элементарными понятиями, с понятиями о наблюдаемых свойствах, отношениях (конкретные и абстрактные фонемоиды), а на ступени конструктов — с не наблюдаемыми, абстрактными свойствами и отношениями (конкретные и абстрактные фонемы).

В соответствии с современными требованиями науки логики класс и члены класса должны быть гомогенны с точки зрения их принадлежности к главным ступеням абстракции. Поэтому фонема не представитель конкретного класса звуков («аллофонов», «фонемоидов», «микрофонем»), а принципиально новое понятие, не заключающее в себе ничего физического, чисто реляционное.

---

[1] Г. Оганесян. Анализ гласных электроакустическим методом в зависимости от пола и регистра, применительно к армянскому произношению (канд. диссертация). Ереван, 1949 (на арм. языке); А. М. Арамян. Экспериментально-фонетическое исследование и классификация гласных фонем армянского языка (канд. диссертация). Ереван, 1958; А. А. Хачатрян. Сравнительный анализ гласных армянского и английского языков (на материале экспериментальных данных). Ереван, 1963.

Эти положения сделают, нам кажется, понятной нашу задачу — исходя из двухступенчатой теории фонологии С. К. Шаумяна, положить в основу определения фонем, в основу фонологической классификации не фонетические критерии, а критерии функциональные. Ведь в лингвистической литературе уже давно установлено, что «звуки фонетиста не совпадают... с единицами фонолога»[2].

В какой мере это положение реализуется в реляционно-физической теории фонемы, на основе которой оно сделано,— для нас сейчас не главное. Важно, что это положение, как и многие другие положения Трубецкого, приемлемо с позиций новейших достижений фонологической теории.

Спешим оговорить, что такой подход ни в коей мере не означает отрыва от фонической субстанции, лежащей в основе всякого фонологического описания. Мы помним, что «фонетическое описание данного языка должно быть принято в качестве исходного пункта и материальной базы», но «что же касается следующих, более высоких, ступеней фонологического описания — систематики и комбинаторики,—то они уже совершенно не зависят от фонетики»[3].

Соотносимость звука и фонемы трактуется в двухступенчатой теории фонологии путем постулирования особого гипотетического отношения — отношения воплощения. Наша задача — проследить, является ли данный в прямом наблюдении в различных положениях в слове звук ə субстратом фонемы «ə», находится ли он в отношении воплощения к фонеме «ə».

Что же дает такой подход? Заметим, что данные общелингвистических исследований и экспериментальные данные приводят к единому выводу: в армянском языке шесть гласных фонем: «а», «е», «ə», «і», «ы», «о».

Внешняя картина классификации гласных фонем едина. Какие же, в таком случае, коррективы вносит наш подход в существующие описания?

Сейчас уже все большее число людей, посвятивших себя изучению лингвистики, разделяет ту точку зрения, что «процесс самоопределения науки о языке, т. е. стремление эмансипироваться от чуждых наречий, заговорить на своем собственном языке и дать определение лингвистических явлений в лингвистических терминах, бесспорно, связан со становлением и развитием структурных методов изучения языка»[4].

Цель — определить лингвистические явления в лингвистических терминах является здесь для нас руководящей.

Настоящая работа — результат наблюдений, полученных при собирании материала по начальным консонантным группам армянского языка.

---

[2] Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. Перевод с немецкого А. А. Холодовича. М., 1960, стр. 18.

[3] Там же, стр. 21.

[4] В. А. Звегинцев. Проблема значения в современном зарубежном языкознании. Сб. «Новое в лингвистике», в. II. М., 1962, стр. 10.

В соответствии с «установкой на функцию», с тем, что «любая фонема обладает определенным фонологическим содержанием лишь постольку, поскольку система фонологических оппозиций обнаруживает определенный порядок или структуру»[5], мы оцениваем фонологическую роль гласного ə в положениях в начале, в середине и в конце слова.

Гласный ə занимает в вокалической системе современного литературного армянского языка особое место.

Отметим, что поскольку объектом нашего изучения является современный литературный армянский язык, то мы определяем функции гласного ə именно в этой системе. Результаты определения функции ə в древнеармянском и в диалектах армянского языка могут быть совершенно иными. Вопрос о фонематической самостоятельности ə в некоторых армянских диалектах, в которых этот гласный является гораздо более «сильным», не подлежит никакому сомнению. Но здесь мы не ставим себе задачей определение функции ə в армянских диалектах и грабаре. Наш объект — современный литературный армянский язык, рассматриваемый синхронно в его нынешнем состоянии. Здесь ə — самый «слабый» гласный, не несущий на себе ударения. По свидетельству грамматистов, ə восходит своим происхождением к гласным i, u, a, e, o безударных слогов и является им на смену в положениях sur-sər, gir-gərel и т. д.

Позиция в середине слова является наиболее характерной для ə. Во всяком случае именно в этой позиции чаще всего функционирует данный гласный в армянском языке. С анализа фонологической роли ə в положении в середине слова мы и начнем свое описание этого гласного в системе армянского вокализма.

Слабость ə отразилась в орфографии и в положении между согласными ə появляется на письме только при переносе. А. С. Гарибян отмечает, что подобное явление — особенность армянской орфографии, не наблюдаемая в других языках[6]. Эта особенность армянской орфографии может привести человека неискушенного, знакомого с языком лишь по письменным текстам, к выводу, что в армянском языке допустимы необычайно большие скопления согласных: Mkrtcyan (6), krtmnǰel (6) и т. д.

При опросе же информанта он с удивлением обнаружит, что эти и подобные им слова в произношении вполне благозвучны и в этом плане не представляют ничего «экзотического». Анализ приведет фонетиста к выводу: между согласными произносится ə, фонема «ə», как мы читаем в лингвистической литературе.

Гласный звук ə в положениях типа Məkərtčyan, kərtmənǰel, действительно, произносится, и чтобы обнаружить его не нужно ни спе-

---

[5] Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 74—75.

[6] Ա. Ղարիբյան, Հայ բարբառագիտության նպատակները, 1953, էջ 112։

циальной аппаратуры, ни даже особо натренированного уха. Но мы подходим к вопросу с иной стороны. Наша цель — определить фонологическую роль ə между согласными, т. е. выяснить, находится ли гласный ə в этом положении в отношении воплощения к фонеме «ə», является ли он субстратом этой фонемы. И здесь мы не можем постулировать иной функции ə, чем нефонологическая функция «благозвучия», «разрядки напряжения». Здесь необходимо учесть, что мы спускаемся на уровень фонетический, уровень акустической характеристики данного лингвистического явления.

Нам кажется, что в данном случае уместна аналогия с гипотетическим «моновокалическим языком» Трубецкого.

Касаясь невозможности существования моновокалического языка, Трубецкой пишет: «...гласный, обязательно следующий после каждого согласного, очевидно, нужно было бы рассматривать только как составной элемент реализации согласного, не имеющий смыслоразличительной функции»[7].

Подобной же, конечно с более ограниченной сферой действия, представляется, нам роль ə в положениях между согласными.

Чтобы не быть голословными, проверим наши положения путем применения операторного метода синтагматической идентификации фонем, разработанного С. К. Шаумяном.

Метод синтагматической идентификации фонем определяется как исследование условий, при которых два следующие друг за другом в речевом потоке звука служат субстратами одной или двух фонем, а также условий, при которых один звук бывает субстратом одной фонемы или субстратом двух фонем.

Сочетания двух звуков условно изображаются в виде аппликации двух абстрактных элементов—А и В. Для установления критерия различения операндов и операторов вводится операционный тест, состоящий в испытании каждого из этих элементов на возможность его устранения из речевого потока. Путем применения операционного теста устанавливаются критерии различения операндов и операторов.

«1. Если ни А, ни В не устранимы, то цепочка АВ неразложима, и поэтому в данном случае вопрос о различении операнда и оператора лишен смысла.

2. Если А устранимо, а В неустранимо, то В — операнд, а А — оператор.

3. Если А неустранимо, а В устранимо, то А—операнд, а В—оператор.

4. Если и А, и В устранимы, то А и В представляют собой взаимные операторы»[8].

Взаимные операторы, не допускающие перестановки, являются унилатеральными. Те же взаимные операторы, которые допускают перестановку, являются билатеральными взаимными операторами.

---

[7] Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 107.

[8] С. К. Шаумян. Проблемы теоретической фонологии. М., 1962, стр. 104.

Двухступенчатая теория фонологии устанавливает правила корреспонденции между звуками и фонемами на синтагматической оси:

«1. Если цепочка AB неразложима или же оператором в ней служит только один из элементов—A или B,—то данная цепочка служит физическим субстратом фонемы «X».

2. Если в цепочке AB элементы A и B служат билатеральными взаимными операторами, то A служит физическим субстратом фонемы «A», а B — физическим субстратом фонемы «B».

3. Если в цепочке AB элементы A и B служат унилатеральными взаимными операторами, то в зависимости от структуры фонологической системы данного языка AB может трактоваться либо как физический субстрат одной фонемы «X», либо как физический субстрат двух фонем—«A» и «B»[9].

К какому же из этих случаев следует отнести положение ə между согласными в армянском языке?

Рассмотрим примеры сочетаний начального согласного с последующим гласным ə:

bəlavel	(кричать)	ləžžal	(визжать)
gərol	(писатель)	mərrik	(вихрь, шторм)
dəzgoh	(недовольный)	nəra	(его)
zərah	(доспехи)	šəłarš	(газ, тюль)
c təmrel	(онеметь)	cəti	(ситцевый)
zəlat	(скупой)	jərel	(поливать, орошать)
ləcel	(запрягать)	rəngayin	(назальный)
xəzel	(порывать, порвать)	sərel	(точить, заострять)
cəcel	(сосать)	vəštanal	(печалиться)
kəzak	(подбородок)	tərtum	(печальный)
həpart	(гордый)	cəncoł	(потрясающий)
jəmer	(зима)	c pətel	(гнить, истлевать)
cəzmel	(давить, сжимать)	c kəsak	(кошель, мешочек)

Чем являются элементы аппликаций согласный (C)+ ə? Устранимы ли они? Путем применения мысленного эксперимента мы устанавливаем, что гипотетические слова с начальными ə+C+V (гласный) в современном армянском отсутствуют. Гласный ə в начальном положении возможен только перед двумя C; эти случаи мы рассмотрим ниже. Тем же путем мы отбрасываем предположение, что в армянском возможны сочетания «начальный согласный + согласный». По свидетельству А. Габибяна[10], в армянском невозможно произнесение двух согласных в начале слова. Между двумя начальными согласными или перед ними в армянском всегда появляется ə. (Эта тенденция сказывается и в произ-

[9] Там же.

[10] Ա. Ղաբրիելյան. Указ. соч., стр. 112.

ношении заимствованных слов. Слова brigadir, prospekt, sport часто произносятся bərigadir, pərospekt, əsport). Следовательно, элементы аппликации $C_{(1)}$ – ə[11] являются неустранимыми.

Предварительно установим, что здесь мы имеем дело с неразложимой цепочкой $C_{(1)}$ + ə, являющейся субстратом одной фонемы «X». Рассмотрим ряд слов:

sətel	(лгать, солгать)	əs*t*ugel	(проверять)
šə*t*kel	(править)	əš*t*apel	(спешить) и т. п.

Внешняя картина может привести к выводу, что здесь мы имеем дело с билатеральными взаимными операторами, и цепочки əs, əš и т. д. являются в той же мере возможными, что и цепочки sə, šə и т. д. Можем ли мы на основании этого сделать вывод, что s является субстратом фонемы «s», а ə — субстратом фонемы «ə» в этих положениях?

Рассмотрим эти случаи в общеязыковой плоскости. В современном армянском языке мы являемся очевидцами интереснейшего явления, когда на стыке жизни двух поколений наблюдается переход от четко произносимого перед начальными st, sk, sp и т. д. ə — к исчезновению его. Если в речи старшего поколения, зарубежных армян, сохранивших неизменными традиции унаследованного языка, это ə является обязательным компонентом, то в речи молодого и даже среднего поколения оно сводится к нулю. И теперь мы слышим наряду с с утрированным ə в словах əspanel, əstugel и даже əstrateg, əsport произношение подобных слов без ə: stugel, spasel и т. д.

Объяснение этому явлению надо искать, очевидно, во влиянии русского языка. Однако нас интересует в данной работе сам факт, а не его причины.

Следовательно, о билатеральности аппликации sə в таких положениях на данном этапе нельзя говорить. Возможно, что здесь мы имеем право постулировать допустимость элемента s без ə, а значит, и возвести его в ранг операнда. Но это не нарушит нашего первоначального положения о том, что в случаях $C_{(1)}$ + ə мы имеем дело с одной фонемой (здесь устраним лишь один элемент аппликации). Эти случаи не опровергают нашего первоначального положения о том, что $C_{(1)}$ + ə здесь — субстрат одной фонемы.

Анализ неначальных С с последующим ə показывает полную аналогию фонологической роли этих ə с гласными ə, следующими непосредственно после начальной согласной. В словах Məkərtčyan, kərtmənjel (с с) и др. ə является обязательным и неустранимым элементом, а потому не имеет самостоятельной фонематической значимости. Возможно, что в словаре армянского языка найдутся слова, по отношению к гласному ə которых допустимо иное толкование (это касается, в частности, положения ə в середине слова). Придирчивый глаз может отметить и то, что в современном армянском ə в положениях перед st, sk, sp, št и т. д. в некоторых случаях устраним. Но, во-первых, здесь устра-

[11] Индекс (1) — показатель предвокального положения согласного.

ним лишь один элемент аппликации — ə, а значит, и ə составляет с С единое целое — субстрат одной фонемы, а во-вторых, даже если искусственные лексические образования создадут видимость спорных случаев, нам надо будет свести возможное двузначное решение к однозначному на основе сформулированного в двухступенчатой теории фонологии принципа унификации.

Принцип унификации сформулирован в двухступенчатой теории фонологии так: «...если в одних позициях речевого потока допускается однозначное решение проблемы синтагматической идентификации фонем, а в других позициях — двузначное решение, то двузначное решение должно быть сведено к однозначному»[12].

Полученные результаты выдвигают перед нами альтернативу: считать ли сочетания С + ə самостоятельными фонемами армянского языка (bə, gə. də. zə, $\overset{c}{t}$ə и т. д.) или нет? Нам кажется, что поскольку эти ə — явления чисто позиционные, то постулирование нового ряда фонем «С + ə» наряду с согласными фонемами армянского языка принципиально неверно и противоречит принципу простоты, основным требованием которого является сведение кажущегося многообразия явлений к ограниченному числу инвариантов.

Итак, в современном армянском гласные ə в интерконсонантных положениях не являются субстратами фонемы «ə».

Нам кажется, что здесь уместны аналогии этих ə с привносимыми в русские слова гласными, которые появляются иногда в речи носителя армянского языка: pərivet и др.

Конечно, эти элементы неправильного произношения постепенно утрачиваются по мере овладения языком (в данном случае — русским), однако основные черты родного языка неизбежно придаются новому в начальной стадии ознакомления с ним.

Красноречиво свидетельствуют в пользу наших выводов и примеры из поэтических текстов. В своей книге «Հայոց լեզվի տեսություն» (стр. 96) М. Абегян приводит пример двойственного разделения слова на слоги поэтами А. Исаакяном и Н. Иоаннисианом:

1. «Vardə $\overset{c}{p}\overset{c}{ə}\overset{c}{t}$-$\overset{c}{te}$ç u bureç».
2. «Vor aryan daš-tum $\overset{c}{p}\overset{c}{ə}$-$\overset{c}{t}$ə-$\overset{c}{te}$n varder».

(Заметим, что поэты обычно отмечают на письме интерконсонантное ə). Этот случай наглядно показывает, в какой роли выступает данный гласный. Поэту не хватает одного слога (во втором примере). Выход — «растяжение» слова, добавление к нему еще одного слога путем введения еще одного интерконсонантного ə. В первом примере то же слово делится на два слога.

Результаты, полученные нами при характеристике гласного ə в интерконсонантном положении, побудили нас обратиться к анализу этого

[12] С. К. Шаумян. Указ. соч., стр. 108.

гласного в положениях в начале и конце слова в современном армянском языке.

Гласный ə в начальном положении является обязательным и неустранимым элементом аппликации ə + 2С: əljal (желать), əmpel (пить), əndhanur (общий), əntɛrçel (читать), əŋker (товарищ), əntanik (семья). В отличие от субстратов пяти гласных фонем армянского языка, гласный звук ə никогда не появляется в начале слова перед одной согласной. Итак, гласный ə в положениях в начале слова — явление позиционное, являющееся неустранимым элементом сочетания ə + 2 и более С.

Гласный ə в конце слова выполняет функцию определенного артикля. Своим происхождением артикль ə восходит к интерконсонантному ə, появлявшемуся между основой слова, оканчивающегося на согласную, и постпозитивным определенным артиклем *n*. Гласный ə стал восприниматься как определенный артикль в результате редукции этого конечного *n*. Отмечая особенности употребления определенного артикля, А. С. Гарибян пишет: «Слова, оканчивающиеся на согласный, получают артикль *ը*, а слова, оканчивающиеся на гласный,—артикль *ն*».

Если за словом с определенным артиклем ə следует слово, начинающееся на гласный или st, sk, št, zb и т. д., артикль ə обычно заменяется *n*. Это — общая тенденция, зависящая, как отмечает Г. З. Петросян, от произносительного характера каждой данной фразы, сочетания. Он считает, что «главное здесь — благозвучность произношения»[13].

Анализ функционирования конечного гласного ə приводит нас к выводу: как в отдельных сегментах звукового потока—словах, так и в более широком контексте—в сочетаниях слов—действует один принцип: гласный ə появляется лишь при наличии двух согласных, при необходимости «разрядить», «разграничить», сделать более легко произносимым сочетание консонантов. Когда же последующий согласный заменяется гласным, артикль ə заменяется артиклем n:

«Harçə bolorın parz e» — «Harçn amɛnkin parz e».

Следует отметить, что в живой речи наблюдаются отступления от этой общей тенденции. Случаи, когда перед словом, начинающимся на гласный, употребляется артикль ə, не так уж редки. В таких случаях, нам кажется, особо подчеркивается слово, имеющее определенный артикль. Неся на себе определенную акцентуационную нагрузку, оно как бы отсекается, отмежевывается от остальной части предложения, фразы. Поэтому мы здесь свободно произносим ə и затем переходим к следующему гласному. Не подлежит сомнению, что в более плавной, быстрой речи замена перед гласным артикля ə артиклем n — естественное стремление.

---

[13] Գ. Պետրոսյան, Հոդակապ առումները հայերենում. Երևան, 1960, էջ 43—44։

Идентичность интерконсонантного определенного артикля ə и интерконсонантного ə в слове представляется нам несомненной

Таким образом, в фонологической системе
сталкиваемся с интересным явлением, когда гласный, произносимы
появляющийся на письме, более того, имеющий
матическое значение, не является, тем не менее, самостоятельной
мой языка. Вопрос о причине этого явления сейчас нас не
Наше дело — представить описание разных положений гласного Но
хочется в то же время высказать свое мнение и о причине этой
ности армянского языка. Дело здесь, очевидно, в стабильном армянском
ударении, приходящемся на последний слог слова. Потребность в
рядке» напряжения до конечной ударной «разрядки» заставляет
носить между согласными эти слабые гласные ə. Ведь недаром
ли, например, русского языка, для которых ə между согласными
вычно, при произнесении армянских слов выговаривают согласные
но, без ə, но зато переносят вперед ударение: вместо nəraniç, səxal-
vél — nraníç, sxalvel. В случаях же, когда ударение на последнем
слоге усвоено, а между согласными все еще непривычно, «опорой»
служит какой-либо другой гласный: Mkrtыçyan и др.

Мы ожидаем возражений со стороны читателя: ведь в армянском
есть минимальные пары xəzel — xazel, sərel — slrel, əmpel — ampel и т. д.
Гласный ə первых членов этих оппозиций, противопоставляясь
сным a, i, u вторых членов, различает означающие (пары kaysər
mardə — mardú и др. кажутся менее удачными, так как различаются
они не только одним гласным, но и местом ударения). Против этих
возражений мы отвечаем доводом: в армянском (здесь и везде мы
имеем в виду современный литературный восточноармянский язык)
гласный ə никогда не появляется в позиции максимального различе-
ния гласных (сравни: «Punkt der maximalen Kasusunterscheidung
Р. Якобсона), т. е. позиции ударной, являющейся характерной позицией
для каждой гласной фонемы языка. Уже одно это убедительный
вод в пользу нашего положения: функция ə в армянском нефонема-
тическая.

Минимальные фонологические пары — «самостоятельное слово:
междометие» не могут рассматриваться как полноценные примеры. Ко-
нечно же, междометия zəng, cəng и т. д. характерны именно для ар-
мянского языка. Но ведь по своей сути междометное слово подра-
жание определенному *шуму*, значит конституенты его шумные зву
ки, согласные. Гласный появляется в междометном слове лишь как
способ передачи этого шума средствами человеческого голоса. Появ-
ление же в междометных словах наиболее употребительного, «люби-
мого», как его определяет А. С. Гарибян, языком нейтрального гласно-
го ə — явление вполне закономерное. Вот почему мы не считаем нуж-
ным учитывать примеры типа zəng-zang и др.

Мы допускаем наличие в языке спорных, сложных случаев. Бо-
лее того, мы нашли пример билатеральности элементов С ə: ənkar

nəkar. Интерконсонантное ə здесь выступает, очевидно, как дифференциальный признак, указывающий на слабое сцепление согласных. Противопоставление слабого (С + ə + С) и сильного (С + С) сцепления согласных, дифференцирующее означающие nəkar и ənkar, аналогично противопоставлению долгих и кратких гласных, простых и геминированных согласных и др.

Этот случай ни в коей мере не противоречит нашему выводу о том, что гласный ə не является фонемой в системе рассматриваемого нами языка. Более того, в языке, в истории которого гласный ə претерпел, как нам кажется в результате наших наблюдений, эволюцию от более сильного и самостоятельного положения в древнеармянском к ослаблению и утрате фонематических функций в современном литературном восточноармянском, в языке, диалекты которого «еще больше (чем литературный язык.— *Б. Г.*) любят гласный ə»[14], наличие таких спорных случаев вполне закономерно. Это обусловлено наличием в армянском многих древнеармянских слов и форм (производные от akn, в отличие от современных типа muk, juk, dur и т. д., сохранившего конечное *n*) и влиянием живых диалектов, фонематическая самостоятельность ə в которых не подлежит никакому сомнению. В «Армянской диалектологии» А. С. Гарибян приводит примеры диалектных слов с ə, функционирующим здесь в позиции максимального различения гласных. Это слова из шамахийского, тигранакертского, урмийского диалектов: mətk (мысль), sərt (сердце), mər (моль), sər (тайна) и т. д.

Нашей задачей в данной работе было, учитывая, что «легче найти явление, чем уделить ему должное место»[15], постараться определить функции ə в современном литературном восточноармянском языке.

В свете написанного современный литературный армянский язык представляется нам языком с чрезвычайно богатыми сочетаниями согласных фонем, что, однако, не отражается на его благозвучии.

Фонологическая система гласных современного литературного армянского языка представлена пятью фонемами: a, e, i, o, u.

---

[14] Ա. Ղարիբյան, Там же, стр. 112.

[15] Ф. де-Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933.

ՀԱՅԵՐԵՆԻ ԶԱՅՆԱՎՈՐՆԵՐԻ ՀՆՉՈՒՅԹԱԲԱՆԱԿԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԻ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՋԸ

Ռ. Ա. ԹՈՓՉԱԿՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ո ւ մ)

Հոդվածը նվիրված է ժամանակակից արևելահայ լեզվի ձայնավորների համակարգում ը ձայնավորի բնութագրմանը։ Հնչույթաբանական տեսության, մասնավորապես նրա նորագույն տվյալների (մենք ի նկատի ունենք Ս. Շաումյանի երկաստիճան տեսությունը) կիրառումը թույլ է տալիս մեզ առաջարկել հայերենի ձայնավորների նկարագրության մեջ մտցնելու անհրաժեշտ ճշգրտումներ։ Մեր խնդիրն է՝ հնչյունների բնորոշման հնչույթաբանական դասակարգման հիմքում դնել ոչ թե հնչյունաբանական, այլ հնչույթաբանական չափանիշներ, հիշելով, որ «Հնչյունաբանի հնչյունները չեն համընկնում... հնչույթաբանի միավորների հետ» (Ն. Տրուբեցկոյ, «Հնչույթաբանության հիմունքներ», Մոսկվա, 1960, էջ 18)։ Ը ձայնավորը, լինելով ժամանակակից գրական հայերենի «ամենաթույլ» ձայնավորը, լեզվի ձայնավորների համակարգում իր բացառիկ տեղն է գրավում։ Ելնելով այն դրույթից, որ «ամեն մի հնչույթ ունի որոշակի հնչույթաբանական բովանդակություն միայն այն դեպքում, եթե հնչույթաբանական հակադրություններում համակարգը հանդես է բերում որոշակի կարգ կամ կառուցվածք» (Տրուբեցկոյ, նույն աշխատությունը, էջ 74—75), մենք որոշում ենք ը ձայնավորի հնչույթաբանական դերը բառասկզբում, բառի մեջ և բառավերջում։ Ը ձայնավորով առաջին բաղաձայնից հետո բառերի քննությունը հանգեցնում է մեզ այն եզրակացության, որ այստեղ «ր»-ն անպայման, անվերացնելի կոմպոնենտ է, բաղաձայնի իրականացման բաղադրիչ տարր։

Ը ձայնավորի դերը բառամիջում, ոչ բառասկզբի բաղաձայնից անմիջապես հետո, նույնն է։ Մեր եզրակացությունն է՝ ը-ն միջբաղաձայնային դիրքում հնչույթ չէ, այլ անվերացնելի տարր, «լարման թուլացման» միջոց։

Հայերենում ը-ն բառասկզբում հանդես է գալիս միայն երկու բաղաձայնների առջև, այսինքն բառասկզբում ը-ն անվերացնելի տարր է երկու և ավելի բաղաձայնների առջև։ Բառավերջում ը-ն կատարում է որոշիչ հոդի դերը։ Բաղաձայնով վերջացող բառը ստանում է ը որոշիչը, որը, եթե այդ բառին հետևում է ձայնավորով սկսվող բառ, սովորաբար փոխարինվում է ն-ով։ Այսպիսով տեսնում ենք, որ ինչպես հնչյունային հոսանքի առանձին հատվածներում՝ բառերում, այնպես էլ ավելի ընդարձակ կոնտեքստում՝ բառակապակցություններում գործում է մեկ սկզբունք ը ձայնավորը երևան է գալիս միայն երկու բաղաձայնների առկայության դեպքում, այդ բաղաձայնների արտասանությունը ավելի հնշտ դարձնելու անհրաժեշտության պատճառով։ Մենք հանգում ենք հետևյալ եզրակացության՝ ժամանակակից գրական արևելահայ լեզվում ը-ն ինքնուրույն հնչույթ չէ։ Հայերենը բաղաձայնների կապակցություններով արտակարգ հարուստ լեզու է։ Այդ հանգամանքը, սակայն, բացասաբար չի ազդում մեր լեզվի բարեհնչունության վրա։